

триптих, ритмическая проза и т. д. Его худож. мир органично включает в себя природу, лит-ру, живопись, историю, тайну, миф, детство — все, что составляет смысл и цель человеческой жизни.

В начале 1990-х в творчестве Л. особенно усилились религиозно-философские мотивы. Он издает «Альманах Юрия Линника», где помещает только свои произведения на эзотерические темы («Упование», «Экстаз» и др.). Художник глубоко переживает несовершенство совр. человека, его пренебрежение гуманистическими основами бытия, следствием чего являются межэтническая и религиозная вражда, экологический кризис. Все это противоречит естественным законам бытия. Между тем диалог культур, религий, по мнению Л., лежит в самих законах природы. Мир, устроенный на принципах комплементарности (взаимодополнения), лучшим образом способен обеспечить его устойчивость и разумность существования человечества. На этом убеждении основывается весь худож. опыт Л.

Соч.: Книга природы. Петрозаводск, 1978; Основа: стихи. Петрозаводск, 1979; Посвящение: стихи. Петрозаводск, 1984; Книга трав: Лирические этюды о растениях. Петрозаводск, 1986; Бессмертье. Новая иммортология. Петрозаводск, 1990; Всечеловек: Философско-фантастическая повесть. Петрозаводск, 1990; В поисках Шамбалы. Петрозаводск, 1992; Всеединство: Стихи. Петрозаводск, 1994; Богочеловечество: Крита-Йога. Петрозаводск, 1995; Мой ислам. Петрозаводск, 1996.

Лит.: Карху Э. Г. В краю «Калевалы». М., 1974. С. 98–108; Гин И. Единство мира постигая // Север. 1978. № 2. С. 120–123; Винонен Р. «За великое дело любви» // Винонен Р. Чувство пути. М., 1981. С. 74–91; Коняев Н. И сердце примеряется к природе // Север. 1984. № 1. С. 118–119; Урбан А. Земля нова, и мы новы... // Нева. 1986. № 3. С. 157–158; Алто Э. Л. Совр. русская поэзия Карелии // Проблемы лит-ры Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1988. С. 28–44; Горбачевская Н. Смятение // Континент. Париж, 1990. № 62; Семенова С. Г. ...Сердце, планету, звезду пробую соединить // Библиография. 1994. № 2. С. 96–111; За чашкой чаю с Юрием Линником // Столица Карелии. 2002. № 1(63). 3 янв.

Т. В. Савинкова

ЛИПАТОВ Виль Владимирович [10.4.1927, Чита — 1.5.1979, Москва] — прозаик, журналист.

Из семьи революционеров-ссыльнопоселенцев. С детства Л. окружали старые большевики, для которых С. Лазо был «Сереек». Отец — журналист (псевдоним его, хо-

рошо известный в Забайкалье, — старик Софрон); мать, которой Л. «обязан своим писательством», — учительница лит-ры, с детства читавшая сыну Пушкина и Державина, Андерсена, Чехова и др. строки, «звучащие как музыка», открывающие «непонятно-зримый и поэтический порядок необыкновенно простых слов». Любимым поэтом Л. стал А. Блок. «Все остальное в детстве было деревенским» (Автобиография. С. 37, 39).

Первые стихи и прозу Л. начал писать с 5-го класса, но собирался быть не писателем, а журналистом. В деревенской библиотеке было немного книг, зато была «книга природы», которая прочитывалась прежде всего. С детства его увлекло кино, которое в деревне показывали очень часто. Впоследствии критика отметит «кинематографичность» прозы Л., а сам он будет шутиливо характеризовать ее как «разжиженный киносценарий».

В 1942, по настоянию матери, Л. поступил в Новосибирский ин-т военных инженеров транспорта, но вскоре «сбежал» по зову собственного сердца на отделение истории Томского педагогического ин-та, который заканчивал экстерном (1952), т. к. после 2-го курса начал работать в Томской областной газ. «Красное знамя». Здесь он написал первые рассказы «Самолетный кочегар» и «Двое в тельняшках» (опубликованы в 1956 в

В. В. Липатов

ж. «Юность»), отсюда был командирован на IV Всесоюзное совещание молодых писателей. Уже первый период творчества Л. (1956–66) не носил характера ученичества, будучи достаточно традиционным по проблематике и худож. манере. Л. пришел в лит-ру в одно время с писателями военного поколения, хотя сам не успел «дорости до войны» — это определило иной материал и проблематику его произведений. Он быстро становится известным читателю, его благосклонно встречают рецензенты благодаря его рассказам и повестям о тружениках Сибири. Рыбаки, речники, рабочие-лесорубы, инженеры, водители изображались Л. на фоне так хорошо известной ему природы, в борьбе не только за высокие производственные показатели, но и за высокую нравственность. Первым крупным произведением Л. стала повесть **«Шестеро»** (1958), рассказавшая о трудной борьбе людей со стихией: во время ураганного бурана водители сумели без потерь провести сквозь тайгу столь необходимые лесспромохозу машины. В повести **«Капитан „Смелого“»** (1959) речь идет о последнем необычайно трудном рейсе старого речника, капитана Валова, а в повести **«Смерть Егора Сузуна»** (1963, сокр. вариант — **«Баллада о коммунисте»**) и о последнем дне Егора Сузуна, прошедшего путь от каменщика до начальника стройки и управляющего трестом, — дне, наполненном, как и вся жизнь, заботами о любимом деле и людях. На др. материале, в иных ракурсах, но по сути дела о тех же проблемах идет речь в повестях **«Своя ноша не тянет»** (1959), **«Глухая Мята»** (1960), **«Стрежень»** (1961), **«Зуб мудрости»** (1961, ранние названия — «Юноша и машина», «Ванюшка Чепрасов»), **«Чужой»** (1964). Сюда же примыкает и пьеса **«Земля не на китах»** (1964). Нелегкий процесс становления проходят обаятельные молодые герои под влиянием достойных представителей старшего поколения капитана Валова, Егора Сузуна, старого рыбака Истигнея и др., осуществляется историческая эстафета, преемственность поколений. Этому противостоят самовлюбленные эгоисты, ходом самой жизни обреченные на поражение. Наряду с замечательным образом сибирской природы, которую Л. умел показать в самых различных оттенках (и с подтекстом, особенно проявившимся в свете последующего осознания миром надвигающейся экологической катастрофы), эти произведения воспринимались на всех уровнях общества очень благосклонно.

Положение резко меняется с началом нового периода в творчестве Л., связанного

с появлением повестей **«Деревенский детектив»** (1967), **«Лида Вараксина»** (1968) и особенно **«Сказание о директоре Прончатове»** (1969), объединенных актуальной для лит-ры тех лет проблемой призвания и профессионализма и называемой по-разному: «Человек и дело, которому он служит», «Человек на своем (или — не на своем!) месте» и т. д. (Написанная в 1969 повесть **«Три зимних дня»** — последняя часть «Деревенского детектива» — прошла практически незамеченной.) Новый Л. не только обращается к созданию характеров и ситуаций, весьма нестандартных, но одним из первых начинает упорно и последовательно (хотя и ненавязчиво) ставить вопрос о благополучии общества, в котором честный милиционер Анискин и талантливый инженер-«управленец» Прончатов (позднее, в романе **«Игорь Саввович»** — герой войны, а ныне полковник УВД Сиротин) вынуждены по сути дела ловчить, чтобы принести максимальную пользу делу и людям. И хотя утверждает эту мысль Л. не «открытым текстом», а путем худож. аргументации, все более набиравшая силу ортодоксальная критика эпохи застоя быстро почувствовала полемическую заостренность его произведений и сделала свои выводы. Выпады в адрес «деревенского Мэгре» и «сибирского Остапа Бендера» Прончатова становились не только «дежурными», но приобретали все более язвительный характер. Был призван на помощь и традиционный сильнодействующий прием — организация «гласа народа», некомпетентных, но весьма резко осуждающих «писем в редакцию» (например: Лит. газ. 1977. 2 нояб.).

В это же время Л. начинает и нестандартный поиск новой художественности. Если в ранних его произведениях А. Макаров, например, видел «со вкусом» (он употребил даже термин «смачно») изображенных героев и картины труда, взятые из жизни, пахнущие хвоей и соляжкой, то теперь Л. начинает все больше использовать заведомые приемы условности, даже предлагать читателю как бы заранее установленные правила игры, наконец, даже прямо отступает от жизнеподобного реализма, «реализма в формах самой жизни» в сторону смоделированности ситуаций и характеристик. Особенно это проявилось в романах **«И это все о нем»** (1974) и **«Игорь Саввович»** (1977). Притчевая модификация Л. начинается уже с названия первого романа, восходящего к древней народной мудрости человечества — сказкам Шехерезады, так же, как и напоминающие о собственно русской истории «Сказание о директоре

ре Прончатове», **«Житие Ванюшки Мурзина»** и т. д. Поэтика «сказаний», идущая от фольклорных традиций, предполагала с целью назидания, «урока людям», условность, доходящую до символов, за которыми — явления и нравственные категории очень большого значения, измеряемые уже не отдельными деталями быта, а жизнью и смертью. Это же относится к открытому фонвизинско-грибоедовскому противопоставлению «говорящих» фамилий героев: Столетов — знак вечной правды — и Гасилов, способный погасить своим цинизмом не только поиски героя, но и саму его жизнь. Критики начинают до тошноты перечислять «фактические ошибки» в произведениях Л., не желая замечать, что «перепутал» художников или писателей не он сам, а его герой, что автор делает это намеренно, подчеркивая входящую в моду «образованщину» (термин А. Солженицына) вместо образованности. Не замеченный в свое время критикой притчевый подтекст, который все больше набирал силу в произведениях Л., находился в прямой соотношенности с характером времени, когда «сверху» внедрялась установка считать, что «у нас все хорошо, все очень хорошо, все даже отлично», несмотря на «отдельные недостатки». Л. использует прием иронической гиперболы, пародируя официальный стиль эпохи, подчеркивая, как «красивы, очень красивы, даже потрясающе красивы» Игорь Саввович, Прончатов, а также все их близкие («до того хорошо, что слов нет!»). Л. нагнетает видимость благополучия в интерьере, костюмах, натюрморте, в пейзаже: в повести **«Серая мышь»**, например, обычно суровая природа Сибири сменяется подчеркнуто-пасторальной идиллической картиной залитого солнцем Чила-Юла, где даже березки сбегают в Обь по обрыву «как веселые телята на водопой». Писатель часто обращался к сфере веселого и озорного юмора, но чем дальше, тем больше дело доходит до горького сарказма.

Несколько поколений школьников писали сочинения о лучшем представителе молодежи 1970-х комсомольце Евгении Столетове, не ощущая главной его трагедии, о которой скажет критика 1990-х: «...автор романа четко понимал: Евгений Столетов был обречен на поражение самой системой», так же, как Игорь Саввович, «молодой талант, увядший на корню в условиях порочного застойного общества» (Митин Г.— С. 9). Идущая «сверху» гасиловщина опошляла само понятие труда, разрушала своим цинизмом такие нравственные основы общества, как любовь и семья. Утверждению именно этих нетленных

ценностей человеческого бытия Л. специально посвящает повести **«Серая мышь»**, **«Еще до войны»** (1971), **«Житие Ванюшки Мурзина, или Любовь в Старо-Короткине»** (1978); **«Серая мышь»** (1970) — одна из первых в советской лит-ре с такой силой трагического гротеска поставила вопрос о становящемся национальной трагедией алкоголизме.

Все большая острота социального анализа в произведениях Л. привела к тому, что последний роман его **«Лев на лужайке»** (о головокружительной газетной карьере «обаятельного конформиста»), начатый в 1978 и дописанный в 1979 уже в больнице, из которой автору не суждено было выйти, около 10 лет не появлялся в печати. В 1989 сокращенный вариант его 1-й части был опубликован в ж. «Знамя» (от публикации продолжения журнал отказался под тем предлогом, что там «воспевается <...> застой, который мы разоблачаем»). 2-ю часть романа опубликовал ж. «Журналист», в 1990 появилось отдельное издание. Видимо, предполагая такую возможность, повесть **«Выборы пятидесятого»**, написанную за 10 лет до романа, Л. даже не пытался предложить в печать. Герой этого произведения — тоже талантливый журналист и тоже «мужчина в постели, а в газете — проститутка...» В повести фигурирует история его очерка «Патриотка» — живущая в заливаемом водой подвале старая работница славит Сталина. Герой пишет газетный «подвал» о ней — пародийный образец переработки страшной правды в очень красивую ложь (Митин Г.— С. 7–9).

На протяжении всего творческого пути Л. обращался к жанру рассказа (**«Заглавное начальство»**, 1960; **«Мистер-Твистер»** и **«Кукла госпожи Барк»**, оба — 1967; **«Сильно длинные сны»**, 1979 и др.). До последних месяцев жизни он не представлял себя без газеты (его очерки о современниках регулярно печатались в «Правде» и др. периодических изд.), много работал с лит. молодежью. Однажды его спросили: «Когда Вы были счастливы?» Л. ответил: «Когда сидел и писал» (Цит. по: Подзорова Н. На быстрине // Лит. Россия. 1977. № 8). И еще: писательство — «единственно возможный способ моего существования на этой круглой и теплой земле» (Автобиография. С. 40).

Соч.: СС: в 4 т. М., 1982–85; Первое прикосновение искусства: Автобиография. Повести. М., 1966; Земля на китах // Октябрь. 1966. № 10; Точка опоры: Повесть. Рассказы. Очерки. Тула, 1967; Повести. М., 1970; Лев на лужайке. М., 1990; Статьи: Слово к молодым // Родники: альм. Вып. 2. М., 1971; Слово в опасности // Пи-

сатели о языке. М., 1974; Издалека долго / Писатель и время. М., 1974; Поправки к прогнозу // Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. М., 1980.

Лит.: Турков А. Выросший мир // Знамя. 1960. № 11; Татуйко А. На берегах Оби // Сибирские огни. 1961. № 11; Светов Ф. Зачем человек живет // Знамя. 1962. № 1; Дудинцев В. Технолог Черепнин и его обвинители // Лит. газ. 1964. 21 мая; Роднянская И. К спорам вокруг Анискина // Новый мир. 1968. № 2; Семёнова Г. В. Липатов — от Прончатова к Столетову // Совр. лит. развитие и проблемы современности. Л., 1977; Дедков И. Сто задач и сто ответов // Лит-ра и современность. Сб. 14. М., 1976; Бочаров А. Уроки гуманизма // Лит. обозрение. 1978. № 7; Митин Г. На белом коне // Липатов В. Лев на лужайке. М., 1990; Парте К. Два сыщика в поисках деревенской прозы // Русская лит-ра XX в.: исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 556–560; Финк Л. И одна — моя — судьба. Самара, 1993.

К. Ф. Бикбулатова

ЛИПКИН Семен Израилевич [6(19).9.1911, Одесса — 1.4.2003, Москва] — поэт, прозаик, переводчик.

«Я родился в доме двухэтажном. / Двадцать было в нем квартир. / Зеркалом цирюльни, вечно влажном, / Окнами портняжным и скорняжным / Он глядел на божий мир» — так обрисовал обстановку своего детства поэт («Пустырь», 1950). В 1929 Л. переселяется в Москву и пробует себя на лит. поприще, публикуя стихи в газетах и журналах. Испытав неудачи на этом пути, с начала 1930-х, обладая

С. И. Липкин

редкими филол. способностями, Л. освоил персидский яз. и стал заниматься переводами. Параллельно обучался в Московском инженерно-экономическом ин-те (окончил в 1937). В годы Великой Отечественной войны Л. был корреспондентом на Юге России, что нашло отражение как в его стихах («В бинокле», «Правый берег», 1942; и др.), так и в прозе (книга очерков «Сталинградский корабль», 1943). «Я мог бы валяться в ложбине степной. / Завянный прахом, засыпанный солью. / Мертвец, озаренный последнею болью, / Последней улыбкой, последней мечтой», — напишет он в 1945 («Счастливец»).

Лит. деятельность Л. в основном сводят к его переводческой работе. Действительно, в области переложения на русский яз. эпических творений народов СССР ему нет равных. Л. перевел калмыцкий эпос «Джангар» (1940), киргизский «Манас» (1941), кабардинский «Нарты» (1951). (О трудностях в реализации этих замыслов см. очерк Л. «Бухарин, Сталин и „Манас“» // Огонек. 1989. № 2.) Итогом многолетнего труда стал классический перевод поэмы Фирдоуси «Шахнамэ», поэм А. Навои. Для юного читателя Л. создал прозаические переложения народного эпоса: «Приключения богатыря Шовшура» (1947), «Манас Великодушный» (1948), «Царевна из Города Тьмы» (1961).

Лит. окружение Л. в 1930-е выглядело парадоксально: Э. Багрицкий, И. Бабель — и Павел Васильев. Потом Л. сам удивится: «Ему (П. Васильеву.— Г. Ф.) импонировало мое славянофильство... У меня нет тех номеров „Нового мира“, альманаха „Земля и фабрика“, в которых были напечатаны лишенные самостоятельности мои юношеские стихи, написанные под влиянием жадно прочитанных Лескова, Мельникова-Печерского, Хомякова, Ивана и Константина Аксаковых, Н. Я. Данилевского» (В Овражном переулке и на Тверском бульваре: Из книги «Зарисовки-соображения» // Новый мир. 1994. № 2. С. 190). После войны Л. публикует свои стихи редко, преимущественно в альм. типа «День поэзии». Когда появление его стихов в альм. «Метрополь» (1979) было сопровождено погромом этого издания советской прессой, Л. вышел из СП СССР (был его членом с 1934). Доступные для публикации к тому времени стих. Л. вошли в его книгу «Очевидец: Стихотворения разных лет» (1967), включающую стихи, созданные с 1935. В альм. «День поэзии» за 1969, где ведущие критики давали прогноз на следующее десятилетие, имя Л. как наиболее перспективное звучало неоднократно.